

**ПЕРЕВОДЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ,
ОБУСЛОВЛЕННЫЕ РАЗЛИЧИЯМИ В КУЛЬТУРНЫХ
И ЯЗЫКОВЫХ КАРТИНАХ МИРА РОССИИ И США**

Мельникова О.А., Данилова И.И.

*Технологический институт Южного федерального
университета, Таганрог, e-mail: olenka_mel@mail.ru*

Одна из ключевых проблем, с которой человек сталкивается при выполнении любого перевода – как заставить текст вписаться в рамки языка перевода и культуры предполагаемого читателя и звучать настолько гармонично, что читатель будет не в силах определить, переведенный этот текст или нет. Недостаточно просто знать соответствия между конструкциями двух языков и удачно подбирать эквивалентные сочетания. В процессе перевода в первую очередь необходимо отойти от языков и языковых средств, которыми они располагают, и рассмотреть культурные и языковые картины мира.

В нашей работе мы пытаемся выяснить, как влияют различия между культурными и языковыми картинами мира России и США на процесс перевода и на выбор применяемых нами переводческих трансформаций. Для начала рассмотрим такие понятия, как языковая и культурная картина мира. Языковая картина мира – это исторически сложившаяся в сознании данного языкового коллектива и отражённая в самом языке совокупность представлений о мире, определённый способ восприятия и устройства мира. Культурная картина мира – это отражение реального мира через призму понятий, сформированных в процессе познания мира человеком на основе как коллективного, так и индивидуального опыта. Каждое из этих понятий специфично для каждой языковой среды, каждой культуры, а она живет и развивается в «языковой оболочке», поэтому наиболее ярко различия между культурами отображаются именно в языке. Отсюда вытекает тезис о том, что для адекватного перевода необходимо четкое понимание различий в языковых и культурных картинах и умение применять эти различия в процессе перевода.

Выявим сами различия между языковой и культурной картиной мира России и США. Во первых, культуры этих стран различаются по отношению к человеку. Исторически сложилось так, что культура России была сконцентрирована на идее коллективизма, общности, что привело к игнорированию индивидуальности индивидуума. В основе идеологии Запада и, в частности, Америки, наоборот, лежит культ индивидуума, уважение к потребностям и чувствам отдельного человека и игнорирование коллектива [1].

Если сравнить Америку и Россию по общенациональному индексу, то первое что бросается в глаза, это эмоциональная стабильность в одной стране и эмоциональная разбалансировка в другой. Это влияет на их речевое поведение: самоуверенные, радостные интонации американцев против раздраженных, неуверенных и т.п. у русских.

Яркими культурными знаками американцев являются гордость и патриотизм. Гордость за страну проявляется у американцев в манере говорить (уверенно, напористо). Сегодняшние доминирующие эмоции на российском национальном уровне – психологическая депрессия, вызванная потерей национальной гордости, панический страх за будущее [2].

Разумеется, данные наблюдения не распространяются на всех жителей России и Америки, но перечисленные довольно наглядно представлены в их культурах и в языках.

Вопросы различий языковых картин мира наиболее полно рассмотрены в работах А. Вежбицкой.

В английском языке эмоции чаще передаются прилагательными или псевдопричастными, чем глаголами. Они обозначают пассивные эмоциональные состояния. Сама идея активности и ее языковое воплощение, видимо, абсолютно несвойственны их культуре. Напротив, глаголы эмоций подразумевают более активную роль субъекта. В отличие от английского, русский исключительно богат «активными» эмоциональными.

Широкое распространение в русском языке имеет и пассивная форма выражения чувств. Безличная форма глагола и дательный падеж имени в предложениях, где идет речь о человеческих чувствах, выражают отсутствие контроля. Подобрать английские эквиваленты таким конструкциям довольно сложно.

Английский язык обычно представляет все жизненные события, происходящие с нами, так, как будто мы управляем ими и все наши ожидания и надежды находятся под нашим контролем. В русском языке более типичны конструкции с дательным падежом субъекта, в которых все ограничения и принуждения субъекта подаются в пассивном модусе [3].

При переводе необходимо учитывать эти различия в культурных и языковых картинах мира, и стараться производить не просто эквивалентный, но культурологически-ориентированный перевод, который будет «подстраиваться» под культурную и языковую картину мира языка перевода. Отсюда вытекают определенные переводческие трансформации, обусловленные различиями в культурной и языковой картинах мира. Переводческие решения условно разделены нами на две группы: трансформации при описании предметной ситуации и трансформации, обусловленные сменой предиката.

Одним из наиболее распространенных случаев изменения структуры предложения является необходимость изменить подлежащее предложения. Английское подлежащее фактически может оказаться обстоятельством места, времени или образа действия, в таком случае при переводе на русский язык мы оформляем английское подлежащее как русское обстоятельство, а русским подлежащим становится фактический субъект английского предложения. Иногда подлежащее в английском языке оказывается фактическим объектом, оно обозначает не деятеля, а получателя чего-либо в результате действия, совершенного третьим лицом. Эквивалентное русское высказывание имеет обратный порядок слов. Английское подлежащее преобразуется в прямое, косвенное или предложное дополнение. В некоторых случаях английское подлежащее обозначает не деятеля, а обстоятельство или объект действия, тогда как реальный деятель или субъект действия перемещается в конец высказывания и оформляется в виде какого-либо второстепенного члена предложения, обычно дополнения. Проблема перевода формального подлежащего с английского языка на русский решается использованием как нулевого перевода.

В английском языке стремление к номинализации действия проявляется менее отчетливо, чем в русском, где отглагольные конструкции встречаются намного чаще. При переводе такого типа предложения на русский происходит смена субъекта. Так, глагол переходного вида преобразуется в отглагольное существительное, которое становится подлежащим русского высказывания, а английское подлежащее – в имя при отглагольном существительном в функции субъекта.

Помимо вышеизложенных ситуаций, иногда мы заменяем отправную точку исходя не из правил перевода, а из собственного языкового чутья. Такой прием

называется модуляцией. К этому способу можно прибегнуть, когда видно, что даже адекватный перевод приводит в результате к высказыванию грамматически правильному, но противоречащему духу языка перевода. Здесь переводчику приходится опираться на собственные знания различий в языковой и культурной картинах мира языков, с которыми он работает [4].

Таким образом, на примере сравнения культурных и языковых различий России и США, мы подтвердили необходимость изучения картин мира и использование их различий непосредственно в переводе.

Список литературы

1. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация: учеб. пособие. – М.: Слово/Slovo, 2000. – 624 с.
2. Scott R. Who is Us // Сближение культур. Bridging cultures. – Волгоград, 1996. – 122 с.
3. Вежицкая А. Язык. Культура. Познание: пер. с англ. – М.: Русские словари, 1996. – 416 с.
4. Бреус Е.В. Теория и практика перевода с английского языка на русский: учебное пособие. – М.: Изд-во УРАО, 2003. – 104 с.

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДЧЕСКИХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ В ДИАХРОНИЧЕСКОМ ПЕРЕВОДЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ТЕКСТОВ СРЕДНЕАНГЛИЙСКОГО И РАННЕНОВОАНГЛИЙСКОГО ПЕРИОДОВ)

Ослопова В.М., Бакулев А.В.

Технологический институт Южного федерального университета, Таганрог, e-mail: rainy-vo@rambler.ru

В данном исследовании под диахроническим переводом понимается перевод текста, время создания которого значительно отдалено от времени создания перевода. По этому признаку он противопоставлен синхроническому переводу [Виноградов, 2001: 138].

Всю совокупность действий переводчика с текстом, как отмечал В.Н. Комиссаров, можно разделить на два этапа – этап работы с ИЯ, то есть извлечение информации из оригинала, уяснение его значения, и этап отбора языковых средств ПЯ для адекватного выражения этого значения в процессе создания перевода [Комиссаров, 1990: 189–192]. Специфика диахронического перевода проявляется на всех этапах работы переводчика с текстом.

Сложности, с которыми переводчик сталкивается на этапе *уяснения значения* исходного текста, главным образом связаны с тем, что язык оригинала значительно отличается от современного ИЯ. Поэтому в первую очередь переводчику необходимо установить время создания текста и соотнести его с определенным периодом в истории развития ИЯ. Однако необходимо учитывать, что изменения в любом языке происходят неравномерно, ввиду чего деление истории развития языка на этапы всегда является условным. Поэтому, даже если известна точная дата создания текста, это не означает, что все языковые явления в нем будут относиться к соответствующему периоду в условной периодизации. В любом случае для правильной интерпретации текста, написанного несколько веков назад, от переводчика потребуются не только отличное знание ИЯ и его истории, но и определенное лингвистическое чутье.

На этапе *отбора языковых средств* переводчик неизбежно сталкивается с необходимостью преодоления не только языкового, но и временного барьера между автором текста и его рецептором на ПЯ. Для успешного решения этой задачи он может придерживаться одной из следующих стратегий:

1. Сокращение временной дистанции – *модернизация*, «современивание» текста. В этом случае переводчик стремится лишь передать коммуникативное намерение автора. Исходя из того, что оригинальный текст создавался для современного ему читателя со-

временным ему языком, текст перевода также создается на языке современном переводчику, то есть, по терминологии Б. Хохела, передает первичное значение оригинала [Хохел, 1988: 152–171]. Такая стратегия облегчает понимание текста и дольше сохраняет его актуальность, однако может грозить возникновением противоречий между содержанием старого текста и современным языком перевода, а также утерей стилистического своеобразия оригинала.

2. Сохранение временной дистанции, то есть *историзация*, «состаривание» текста. При такой стратегии переводчик стремится передать не только содержание, но и исторический колорит оригинала, погрузив читателя в атмосферу прошлого, когда он создавался. Согласно Б. Хохелу, при этом передается также последующее значение текста – т.е. стилистическая составляющая [Хохел, 1988: 152–171].

В.К. Ланчиков в статье «Историческая стилизация в синхроническом художественном переводе» предлагает различать историзацию целостную и условную [Ланчиков, 2002: 119]. При *целостной историзации* предполагается как можно более правдоподобная передача исторического колорита и речевого узуса определенной эпохи в прошлом. Языковая атмосфера этой конкретной эпохи должна быть передана максимально точно, полно и последовательно. Поэтому при таком виде историзации очень высоки требования к исторической достоверности перевода. Однако целостная историческая стилизация редко используется, если временная дистанция между эпохой, язык которой должен быть воссоздан в переводе, и современностью слишком велика. Изменения узуса в таком случае могут быть настолько разительными, что обилие вышедших из употребления форм сделает текст перевода малопонятным современному читателю и коммуникативная цель не будет достигнута.

Условная историзация также предполагает создание исторического колорита, однако не нацелена на «реконструкцию» языковой атмосферы конкретной эпохи. Задача переводчика в этом случае – «архаизировать» текст ровно настолько, чтобы дать читателю почувствовать временную дистанцию между ним и автором оригинала, но при этом не создавать сложностей в понимании текста. У реципиента должно создаваться ощущение принадлежности текста перевода к некоторому «прошлому вообще», а не к какой-то определенной эпохе. Вследствие этого существенно изменяется характер требований к достоверности и последовательности использования средств историзации. Переводчик может употреблять архаизмы самых разных эпох, не перегружая текст малопонятными устаревшими формами.

Как утверждает Е.Н. Мешалкина, «адекватный перевод всегда имеет двоякую направленность (на оригинал и на новые коммуникативные условия)» [Мешалкина, 2008: 8]. Из этого следует, что переводческая стратегия для успешного выполнения диахронического перевода, в частности, для достижения адекватной историзации текста, должна представлять собой компромисс между полным отказом от сохранения временной дистанции, который предполагается при стратегии модернизации, и чрезмерной архаизацией, препятствующей пониманию. Таким образом, архаизация и модернизация сами по себе не являются стратегиями успешного диахронического перевода. Для выполнения адекватного перевода необходимо такое оптимальное их сочетание, которое позволит переводчику, избежать создания «перегруженного» архаизмами искусственного и трудного для восприятия текста, но в то же время и не допустить излиш-